

СИНДРОМ ГЕРДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛЕРУ ПОЛЛОК

18+

Леру Поллок

Синдром Герды

«Автор»

2026

Поллок Л.

Синдром Герды / Л. Поллок — «Автор», 2026

В неблагополучном районе Атланты находят тело, расчлененное на шесть фрагментов. Экспертиза показывает, что эти фрагменты принадлежат разным людям. Пока город теряется в догадках, кто способен на такую жестокость, детективы-близнецы Молли и Лиам Хюгге начинают расследование. Они ищут правду совершенно по-разному. Молли привыкла доверять интуиции и идти напролом. Лиам не делает ни одного вывода, пока не проверит каждый факт дважды. Но только вместе они способны увидеть то, что упускают другие. Им предстоит пробраться сквозь лабиринт преступлений с истекшим сроком давности, религиозный культ и чужие секреты, чтобы ответить на главный вопрос: Сколько жертв в этой истории было на самом деле?

© Поллок Л., 2026

© Автор, 2026

Леру Поллок Синдром Герды

Пролог

6 месяцев назад

Стивен Гувер вынырнул из дремоты из-за ощущения, что он падает куда-то в глубокую яму. Он обнаружил на столе перед собой несколько капель слюны, быстро стер ее краем рукава и им же протер рот. Ноги от маленького неудобного стула уже затекли, и по ним беспорядочно забегали иголки. Как и по рукам, закованным в наручники неподходящего размера. Женщина, сидевшая напротив, все еще продолжала молча заполнять какие-то бумаги. Стивен осмотрелся – ничего в комнате не изменилось, пока он дремал. Те же серые стены, стол с разложенными на нем бумагами и фотографиями. В маленьком окне справа он видел размытое отражение себя, своей соседки и тусклой настольной лампы.

– Меня посадят?

– А есть за что? – спросила женщина, не отрывая взгляда от бумаг.

Он покачал головой, а потом, поняв, что она не смотрит на него, все-таки вслух сказал:

– Нет.

Она кивнула. Было ощущение, что время в этой душной комнате совсем остановилось, и Стивена снова жутко клонило в сон. Он старался дышать глубже, зевал, но веки все тяжелели и тяжелели, а в глухой тишине он слышал только свое неровное дыхание и скрежет ручки по бумаге. Наконец, она оторвалась от письма и подвинула стопку документов ему под нос. Заголовок жирным шрифтом гласил: *“Разъяснение прав”*.

– Внимательно прочитай и поставь подпись.

– Что это?

– Я не нарушаю твои права. Тебя никто не бьет, не насилует, ты добровольно сидишь в уютной теплой комнате и даешь мне интервью, – она обнажила в улыбке кривоватые зубы. – Бюрократия, Стиви.

– Кажется, мне нужен адвокат. Вроде как. Или нет? – Гувер попытался собрать в эту фразу все остатки уверенности, что в нем были, но голос прозвучал высоко. Выше, чем он планировал, словно ему защемило яйца забором. Он и сам издал подобие смешка, насколько нелепо это звучало. Но женщина оставалась серьезной, и Стивен тоже стер ломаную улыбку с лица.

– Ты прав. Если хочешь, мы прямо сейчас прервемся и подождем твоего защитника. Но ты должен понять, что как только сюда зайдет адвокат, все станет гораздо сложнее.

Он снова опустил глаза на бумаги перед собой. Последняя строка: *“Я принимаю решение отвечать добровольно и свободно. Я не нуждаюсь в адвокате и принял решение сотрудничать”*. Напротив пустое поле для подписи и расшифровки. Женщина взяла со стола пачку сигарет, высунула одну и уже поднесла ко рту, как Стивен сказал:

– У меня астма, – голос снова зазвучал высоко, и мужчина прокашлялся, – извините. Я бы не хотел, чтобы

Она засунула сигарету за ухо, убрала пачку в карман форменной куртки с нашивкой “Полицейский департамент Атланты” и откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди.

– Я имею в виду, – сказала она, – сейчас мы можем просто поговорить. Разобраться, что произошло, понять, как тебе помочь. Но как только здесь появится адвокат, все это вместо разговора по душам превратится в настоящий полицейский допрос, малыш. И лучше бы нам вдвоем разгрести эту кучу дерьма.

Стивен все еще молчал и облизывал сухие губы. Женщина провела пальцем по строчкам на бумаге и прочитала вслух:

– Пункт первый. *“Вы имеете право хранить молчание”*. Понимаешь, что это значит?

Этот пункт стоило бы воспринимать серьезно, так Стивену казалось. Он кивнул, и она продолжила вести пальцем вниз по строчкам, вслух зачитывая каждый пункт и спрашивая, понимает ли он, что она говорит. Он поставил подпись снизу на последней странице, и рядом с чернилами тут же упала капля пота и разбилась о бумагу. Он протер тыльной стороной руки неровный, покрытый бугорками прыщей лоб, положил ручку и устался на женщину.

– Ты понимаешь все, что здесь написано, и готов продолжить без адвоката?

– Да. Кажется, да.

– Хорошо. Расскажи мне, что произошло, – тихо попросила она.

– Я уже рассказывал патрульным.

– Брось, – она снова улыбнулась. – Знаешь, как они слушают? Пропускают мимо ушей одну деталь, вторую, пару показаний, забудут опросить несколько свидетелей, и вот, – она хлопнула себя по коленям, – уже довольный прокурор упекает очередного бедолагу за решетку и вешает на него убийство крепкой такой первой степени. Хотя материалов дела там было максимум на самооборону.

– Вчера вечером мы с приятелем ходили на футбольный матч. “Фэлконс” против “Реал Солт-Лейк”, – неуверенно начал он.

– Был такой. Дальше?

– После матча мы зашли в бар. Выпили. Я вспомнил, что мне звонил брат перед игрой и обещал приехать вечером. Я сказал, что вернусь поздно, но он обещал меня дожидаться. Я пошел домой, было около десяти тридцати.

– Брат, о котором ты говоришь, это погибший, верно? Барни Гувер. 1988 год рождения.

– Верно.

– Продолжай.

– Я добрался около десяти. Зашел в дом, было темно, я включил свет. И увидел, что Барни лежал у лестницы. В луже крови. Он не отвечал мне и не приходил в себя. То есть крови было столько, я, типа, никогда не видел столько. Я пошел в ванную, нашел полотенце и прижал к дыре в его голове. Позвонил в 911.

Стивену показалось, что по лицу женщины напротив скользнула тень усмешки. Он повторил предложение про себя еще раз, пытаясь понять, где он облажался. Нет, он не мог облажаться. Эта сучка его просто проверяет.

– Чего?

– Ничего. То есть, он был мертв, когда ты пришел?

– Да. То есть нет. Не знаю, я вызвал скорую, они приехали сразу с полицией. Зашли, посмотрели и сказали, что все.

– Что “все”?

– Он “все”.

– Мертв.

– Да.

Она взяла в руки документы. Отчет патрульного за вчерашний вечер. Ричленд Роуд, частный сектор. Скромный район на Юго Западе, куда полиция заезжает довольно редко.

– Что ты сказал по телефону, когда звонил в 911?

– Ну, что человек упал с лестницы. Кажется, повредил голову, и ему нужна помощь.

– Почему ты решил, что он упал с лестницы, а, например, не споткнулся и ударился головой?

– Мне так показалось, – Гувер пожал плечами, будто вопрос показался ему нелепым. Он повозился, чтобы отлепить узкие джинсовые шорты от потных ляжек. Стул под ним жалобно

застонал. Стивен вдруг осознал, насколько он поправился за последние полгода. Сейчас он весил фунтов двести пятьдесят, не меньше, и его пятая точка вываливалась со стула, как взошедшее дрожжевое тесто. При этом сидя он был даже ниже, чем его спутница. То ли от страха, то ли от головной боли он все сильнее вжимал шею в плечи и от этого казался еще меньше.

Женщина продолжала задавать вопросы, и было ощущение, что они оба застряли во временной петле. Своим убаюкивающим тоном она по кругу задавала одни и те же вопросы, так искусно меняя формулировки, что Стивен не сразу замечал, как говорит одно и то же вот уже который раз: второй, третий, пятый. Отношения с братом? Обычные. Какие еще могут быть отношения у двух братьев после тридцати пяти? Списывались, созванивались. Да, иногда ссорились, а кто не ссорится? Стивен Гувер живет с престарелой матерью, которая по вторникам и четвергам подрабатывает уборщицей в городской больнице в ночную смену за четырнадцать долларов в час. Как раз вчера была ее смена, и ее не оказалось дома, когда с Барни произошла трагедия. Соболезнуете? Да, спасибо. Барни живет, точнее, жил, как бы дико не звучало прошедшее время вслух, с женой и семилетним сыном на севере города и иногда приезжал, чтобы навестить мать и младшего брата. Примерный семьянин, полная противоположность Стивену. Тот не был женат, не состоял в постоянных отношениях ни с женщинами, ни с работодателями. Сейчас он работал в магазине виниловых пластинок, до этого – пару месяцев в ресторане быстрого питания, еще раньше – несколько недель грузчиком в “Волмарт”. Однажды уже попадал в полицейский участок за то, что трижды “перепутал” мужскую и женскую раздевалку в общественном бассейне, случайно, разумеется, но кто-то из посетителей все-таки подал жалобу. Стивен получил штраф и пожизненный запрет на посещение городского бассейна на Пидмонт-авеню. И еще одна запретная страсть, но о которой рассказал не он сам, а доложили в отчете криминалисты, найдя в мусорке несколько написанных от руки чеков. Ставки. Да, есть такое. А последнее время – совсем много и безбожно. Приходилось брать деньги в долг, чтобы в очередной раз закинуть пару сотен в подпольной букмекерской.

– Спортивные ставки в Джорджии незаконны. Я думаю, ты в курсе, – сказала женщина каким-то по-матерински сочувствующим тоном.

– Да, – Стивен сглотнул. Он первый раз задумался, по какой причине он все-таки тут сидит. Да, ему пытались объяснить, за что его задерживают, пока сопровождали в полицейскую машину. Его забрали прямо из больницы, куда доставили тело Барни, но мать кричала и кидалась на полицейских с таким звериным неистовством, что половину слов, произносимых полицейскими при задержании, Стивен, оказывается, и не расслышал.

– Перед тем, как позвонить в 911, ты позвонил кому-то на три минуты сорок шесть секунд. С кем ты разговаривал?

– С Кевином. Это с ним мы ходили на матч. Он врач, и я спросил у него, что мне делать.

– У Кевина?

– Да.

– Что он тебе сказал?

– Прижать к голове что-нибудь и вызвать спасательную службу.

– Он говорил тебе это почти четыре минуты?

Стивен заметил, как дружелюбный тон собеседницы куда-то пропал и сменился более низким и осуждающим. Да, черт возьми, он паниковал, и его четыре минуты успокаивал кореш по телефону. Не каждый день у тебя на руках умирают люди. Хотя, может быть, у вас, госпожа детектив, чуть чаще, чем у остальных. Глазами Стивен бегал по комнате, которая вдруг начала сжиматься. Женщина рисовала в блокноте треугольники и многократно обводила их по контуру так, что бумага начинала рваться.

– Он не справился, если хочешь знать.

– Кто?

– Кевин.

– Я его не осуждаю. Я поздно пришел домой, и уже никто ничего не мог сделать.

– Я не об этом. Я о твоей просьбе.

– Просьбе? – голос снова сорвался на нервный фальцет.

– Он подтвердил, что помог тебе по телефону и рассказал, что делать при ударе головой.

Но еще он сказал, что тебя не было с ним в тот вечер. Ни на матче, ни в баре, что он был весь вечер один, и есть люди, которые с легкостью это подтвердят, – разочарованно выдохнула она. – Через секунду после того, как услышал в трубке “отдел убийств”, он наложил в штаны и сдал тебя с потрохами. Забыл всю историю, которую вы эти четыре минуты так тщательно придумывали. Представляешь?

Стивен вдруг стал еще меньше, чем был. Воздух в комнате закончился.

– Ингалятор? – спросила она.

Он попробовал сказать “да”, но слова из сдавленного горла уже не выходили. Он беспомощно кивнул. Через минуту в комнату вошел еще один мужчина в полицейской форме, поставил перед задержанным изъятый ранее ингалятор в прозрачном пакете для улик. Стивен жадно сделал вдох лекарства, затем еще один. Легкие раскрылись, свистящий и грубый кашель вырвался наружу. Повисла тишина, нарушаемая только редкими булькающими звуками, раздающимися где-то в глубине его тучного тела. Второй полицейский забрал лекарство и быстро удалился, оставив их с женщиной наедине. Она молчала и смотрела на Стивена, не отводя взгляда. Стивену показалось, что он смог разглядеть на дне ее черных глаз что-то нехорошее. Она вдруг стала казаться ему старой ведьмой, притворяющейся доброй красавицей.

– Тебе кажется, что я хочу тебя унижить. Уличить во лжи, да?

Он не отвечал. *“Вы имеете право хранить молчание. Вот и храни его, мать твою”*, – подумал он.

– Я просто хочу, чтобы ты тоже был услышан, – она сбавила тон, стараясь снова вернуть доверие к себе.

“Может, все-таки попросить адвоката?”, – подумал Стивен.

– У нас есть предварительные версии. Но ты бы слышал, как они звучат, Стиви, – она сочувственно покачала головой, – тебя не обвиняют разве что в убийстве Кеннеди, поверь мне.

Стивен почувствовал, как у него вдруг затрясся подбородок. Так приходили слезы горя, но сейчас он чувствовал что-то другое. Злость, одиночество, пустоту, знакомое чувство, которое сложно объяснить. Как будто бы он снова увидел репортаж по телевизору о том, что его кумир оказался торговцем людьми и осужден пожизненно. Или как в тот безумный вечер из детства, когда мать вдруг сорвалась и при них с братом назвала отца бесхребетным импотентом, а уже на следующий день они собрали вещи и переехали в новый дом на Ричлен Роуд к ее любовнику, просящего называть его “папой”.

Стыд за поведение другого человека. Вот что это было за чувство.

– У меня тоже есть брат. Близнец. Знаешь, мне нужно было прыгнуть выше себя на три головы, чтобы хотя бы начать дышать ему в пупок. Просто потому что папаша ждал двух сыновей себе на замену, – она застывшим взглядом смотрела куда-то внутрь себя и ручкой продолжала чертить в блокноте фигуры и бесконечно обводить их по контуру. – Думаешь, я не знаю, что это такое, быть все время второй, Стиви? Мы с тобой похожи больше, чем ты хочешь признать. Жена, дети, хорошая работа, никаких зависимостей, церковь по воскресеньям. Святой Барни. А ты? Жирдяй и лудоман, который до сих пор живет с мамой.

Стивен молчал, ощущая, как горло снова пухнет, но уже не из-за астмы, а от подступающей тошноты.

– Я однажды закрыла его в багажнике. Брата. Мы играли в прятки, он залез к отцу в машину. Была адская жара. Я закрыла его там на несколько часов, – ее голос снова стал тихим, будто они были на проповеди, а не в допросной комнате. – Он чуть не умер там. Меня здорово

наказали, но это был лучший день в моей жизни. Потому что я, в конце концов, показала ему, что я не пустое место. Я хотела его проучить.

Она вдруг наклонилась так близко, что Стивен чувствовал дыхание ее тихих слов на лице. Словно ведьма она погружала своим голосом в транс. Хотелось, чтобы это закончилось.

– Ты тоже просто хотел показать, что ты не пустое место. Ты же не виноват, что он взял и подох.

– Да, – выдохнул Стивен.

– Что ты сделал?

– Я столкнул его с лестницы, – прошептал он, и улыбнулся. Это была улыбка человека, свободного, наконец, от ненависти, которая копится внутри и не находит выхода многие годы.

– Почему? – она тоже заговорила шепотом.

– Потому что он не верил в меня. Он приехал поговорить, когда я был дома один и уже собирался выходить на матч.

– Что он сказал?

– Что сдаст меня в полицию за ставки. Что я обдираю родную мать. Но она сама дает мне деньги, я не вор! Просто ему всегда было сложно признать, что я был у нее на первом месте, и мне не нужно было пахать как проклятый, чтобы заслужить ее уважение! – Стивен почти кричал. – Он сказал, что я ничтожество, был, есть, и останусь им. И я ударил его. Он покатился вниз по лестнице, как мешок с дерьмом, и ударился головой об угол. И больше не вставал.

Она села на место, снова откинувшись на спинку стула. Зрачки ее расширились, а дыхание участилось.

– Я спросил у Кевина тогда, какой был счет. 2:3 в пользу “Реал Солт-Лейк”, – Стивен вдруг засмеялся, и тихо с гордостью произнес, – я выиграл пять тысяч долларов.

– Это был охренительно хреновый допрос.

– Очень красноречиво. Не думал заменить Джимми Фэллона в вечернем шоу? – Молли устало усмехнулась. Она держала подмышкой подозрную трубу из бумаг с записанными показаниями. Свободной рукой набрала теплой воды из кулера, одним жадным глотком осушила весь стакан и сразу набрала второй. Вытащила сигарету из-за уха и, поняв, что та сломана, разочарованно смяла и выкинула в урну, случайно чуть не выбросив вместе с ней и документы. Она принялась к воротнику своей форменной куртки, – Как же от него разило потом, Господи Иисусе. Мне кажется, что от меня теперь тоже воняет, чувствуешь, а?

– Он попросил адвоката, Молли. Вот прямым текстом попросил, – Лиам рухнул в кресло за своим рабочим столом, подпер рукой подбородок, и посмотрел на сестру глазами, полными раздражения и усталости. В конце особенно загруженных смен ему начинало казаться, что он ругается на свое отражение в зеркале, а то лишь улыбается в ответ. Молли всегда так улыбается, когда хочет сказать что-то идиотское.

– Нет, он сказал: «кажется, вроде, может быть, мне нужен адвокат». Никакой четкой формулировки, хватит ныть, – она постучала по голове Лиам трубой сложенных бумаг. Он вырвал из ее рук документы, разгладил об угол стола и начал читать, пока не остановился на показаниях Кевина.

– Благодаря моему нытью ты хотя бы научилась зачитывать «Миранду» вслух. Гувера правда так легко сдали?

– Ну-у, – протянула Молли, усаживаясь в кресло. Она вытянула ноги, распустила длинные русые кудри из тугого пучка и только сейчас осознала, как устала за сегодня. – Не совсем.

– Молли.

– Скорее, нет.

– Ты опять?

– Я только немного приукрасила.

Конечно, Кевин Деккер справился с задачей. Даже на уверенную четверку. Со Стивеном они были близки еще со времен колледжа. Может, они и частенько ругались последние месяцы из-за ставок и привычки Стивена постоянно брать в долг и неделями не возвращать, но деньги никогда не стали бы поводом для предательства. Так считал Кевин. Он рассказал, что вчера они со Стиви были на матче, отчаянно болели за «Реал Солт-Лейк», съели по два отвратительных хот-дога и отправились в бар. Упомянул, сколько раз кто из них отходил отлить, насколько скверно у них получалось флиртовать с девушками за барной стойкой после четвертого лагеря и как скоро Стивен уехал домой, чтобы встретиться с братом.

Но, как только сам Стивен открыл рот, Молли поняла, что он относится к тому типу людей, которые уверены, что все вокруг желают им зла. И вот тут пора бы вспомнить простые правила хорошего допроса. Пожалей жалких, посочувствуй несчастным, а злых – разозли еще сильнее. Все эти ублюдки, запертые с тобой в душевной комнате с зеркалом Гезелла на стене, на время превращаются в беззащитных детишек, которых нужно расставить по углам за плохое поведение.

Приукрасить, недоговорить, предложить сделку. Можно сказать, что твой брат-близнец, который за все тридцать два года жизни и мухи не обидел, колотил тебя время от времени. Это все еще не ложь, а «выстраивание психологического контакта». В легендах Молли Лиам несколько раз отправлялся на тот свет во имя правды и закона. Но все это происходило во благо. Убийца в итоге сбрасывает огромный камень с души, раскаивается и рыдает, говоря, что «не хотел, чтобы так погано все вышло». Конечно, не хотел, мой хороший. Распишись вот здесь. И вот здесь. Молодец.

– Тогда какие еще у нас были улики? – спросил Лиам с полным ртом. Он жевал шоколадные вафли, которые нашел в верхнем ящике чужого стола. От их приторности его начало мутить, это была его первая еда за последние десять часов. Молли протянула руку, и он отдал ей всю остальную пачку.

– На самом деле, прямых – никаких. Жена Гувера старшего сказала, что ожидала однажды от Стивена чего-то такого. Просила Барни не связываться, но тот все время заступался за мать и, собственно, мы здесь.

– В общем, интуиция?

– Еще я сегодня узнала на стадионе, что цифровой билет Стивена не считывался. По нему не проходили на стадион.

– Отвратительно непрофессионально.

– У тебя восемь «висяков» с прошлого года.

– Туше.

Лиам тяжело выдохнул и посмотрел на часы. Без десяти двенадцать, почти полночь. Он потер глаза и громко хрустнул шеей так, что Молли поморщилась.

– По крайней мере, сегодня ты успела до конца нашей смены, – сказал он. – Дождемся ночную группу, и по домам.

– До сих пор никого нет?

– Дилан и Марк час назад уехали на вызов куда-то к Вайн-Сити. Из ночной еще никто не приехал. Кто сегодня дежурит?

Молли посмотрела в телефон. За последние часы, что она была на допросе, у нее появился один пропущенный звонок из дома, перезванивать на который сейчас хотелось меньше всего. Еще три непрочитанных сообщения от контакта ТХ. Том Хобарт. Один из сегодняшних сменщиков.

ТХ: ты права я перегнул

ТХ: прости

ТХ: я за рулем мы будем в 11 30 захвачу кофе не уезжай сразу ок?

Она нажала на экран, выбрала все три сообщения и удалила. Так же, как делала со всеми предыдущими сообщениями в их переписке, которые не касались работы. Так же, как делала с кофе, который Том привозил ей каждый вечер – выливала в раковину в женском туалете на первом этаже департамента и быстро уезжала домой от неловких разговоров. Потому что кофеин на ночь не способствует здоровому сну. Потому что сегодня она в очередной раз напомнила Тому, что происходящее в ее семье его не касается. Что его чрезмерное внимание все больше напоминает флирт. Что до сих пор не понимает, почему после того случайного пьяного поцелуя в туалете бара он вдруг решил, что между ними что-то изменилось.

МС: Я с Лиамом.

Палец завис над экраном. Она подумала и добавила.

МС: Мне сегодня нужно домой.

– Ну что там? – спросил Лиам.

– Ничего, – Молли мотнула головой, чтобы прогнать лишние мысли, и поправила кольцо на безымянном пальце. – Томас написал еще два часа назад, что они сегодня собираются приехать пораньше.

– А Сильвия?

– Не отвечает.

– Может, они решили бросить работу и уехать в другой штат?

– Это больше похоже на тебя, чем на Хобартов.

– Я все еще жду, когда картины Келли начнут приносить миллионы долларов. Я смогу уволиться и разводить уток на своей ферме.

– Готов жить на содержании у собственной жены?

– И ни минуты не буду думать.

– Зато никаких трупов, – сказала себе под нос Молли, продолжая печатать что-то в телефоне.

– Никаких трупов, – повторил Лиам.

Сильвия не отвечала. Потому что Молли так и не решалась ей написать. Они избегали друг друга уже несколько месяцев. Молли казалось, что она не имеет права заговорить с подругой. Не сейчас. Она открыла другую переписку. «Вия» с розовым эмодзи-сердцем у имени. Молли быстро напечатала:

МС: привет. у вас все в порядке?

Затем так же быстро стерла, так и не отправив.

– Просто подождем, еще есть время, – она быстро убрала телефон в куртку, чуть не промахнувшись мимо кармана. – Мало ли. Няня задержалась, Зои капризничает, машина сломалась. Да что угодно.

От скуки Лиам начал бродить по комнате и по местам раскладывать вещи: разбросанные другими детективами папки, документы, фотографии с мест преступления. Он достал из кармана упаковку влажных салфеток и начал протирать столы.

На рабочих столах в кабинете стояли старые мониторы, обклеенные по краям отвалившимися наполовину стикерами. Некоторые из них с заметками о давно раскрытых делах бесполезно висели уже второй или третий год. У мониторов пылились таблички с именами детективов: самый аккуратный и чистый стол с табличкой Лиамы Хюгге, вечный хаос у таблички «Молли Хюгге», на которой она несколько лет назад зачеркнула свою фамилию белым корректором и шариковой ручкой криво подписала «Скотт». Рядом – «Майкл Шеллер» и «Сильвия

Хобарт», сержанты «Томас Хобарт» и «Дилан Леви». Полная пепельница на подоконнике и мишура на стене, которую обычно не снимали до июля.

Они оба уже успели сидя задремать, когда у Лиам в кармане брюк завибрировал телефон. Часы показывали половину первого, Хюгге все еще были в отделе вдвоем.

– Это лейтенант, – сказал хриплым ото сна голосом Лиам.

Отец редко звонил детям не по работе. Молли почувствовала, как внутри завязывается какой-то тугой узел. Волнение и взявшаяся непойми откуда мысль – произошло что-то очень плохое. Интуиция. Ее начало подташнивать. «Отвратительно непрофессионально», – подумала она.

Лиам откашлялся и принял вызов.

– Да?

Больше он ничего не говорил. В трубке слышался голос отца, как всегда громкий и серьезный, но Молли не могла разобрать ни слова. Только общий гул, больше напоминающий помехи на радио.

Она видела, как Лиам вдруг застыл. Обычно он стучал пальцами, щелкал ручкой, тер ладони, переминался с ноги на ногу, но сейчас он сидел абсолютно неподвижно. Даже когда телефон пискнул и звонок завершился, он продолжал какое-то время держать его горячим черным экраном у лица.

– Что? – тихо спросила Молли.

– На вызове в районе Вайн-Сити сейчас Марк и Дилан. Там два тела. Убийца стрелял в упор в лобовое стекло.

– Ли

– Это Сильвия и Том. Хобарты мертвы.

Первая

Наши дни

Молли мчалась вниз по ступеням полицейского департамента, пытаясь сквозь вспышки света и какофонию голосов прорваться к ожидавшей ее служебной машине.

- Подождите, позвольте пару вопросов!
- Родственники Хобартов требуют повторного расследования?
- Дело стрелка из Вайн-Сити теперь закрыто?
- Полиция подозревала, что главный подозреваемый планирует покончить с собой?

Она отмахивалась от микрофонов, повторяя только, что полиция пока не дает официальных комментариев. По правде говоря, давать было нечего. Последние несколько месяцев больше напоминали какой-то абсурдный сон. Как ни старайся бежать – остаешься на одном месте.

Молли запрыгнула на пассажирское сиденье серого «Форда». Тот стоял у обочины наготове, урча старым мотором. Детектив громко захлопнула дверь, достала из бардачка заглушку и вставила в замок ремня безопасности, чтобы панель не издавала назойливый вой.

– Двигай. Давай, не стой, Ли, пожалуйста, – подгоняла она, глядя на вспышки камер через зеркало заднего вида. Машина начала отдаляться от участка, и толпа журналистов все больше напоминала просто рябь в телевизоре. Через два квартала, когда все осталось позади, Молли шумно выдохнула и провела по лицу рукой, словно стирала раздражение. На пальцах у нее остались кусочки размазанной туши. Она попыталась вспомнить, умывалась ли вчера, когда приехала домой, или просто сразу легла спать. Детектив приоткрыла форточку и нажала на прикуриватель. В окно потянул горячий июльский воздух – запах пыли и выхлопных газов. Через каждые двести метров – переполненные урны и граффити. «ЖРИТЕ МУСОР». С начала лета, когда пошли первые забастовки, Атланта все сильнее напоминала город, разрушенный футбольными фанатами после проигрыша любимой команды.

Лиам не спеша вел машину, словно они ехали на пикник в городской парк, а не на обнаруженное в подворотне тело. В этом году им удалось поработать в паре лишь несколько раз, и Молли успела отвыкнуть от того, какой ее брат во всем раздражающе осторожный и медлительный. Он приблизил карту в телефоне, посмотрел, как объехать пробку, и они почти сразу свернули на узкую улицу, чтобы проехать через дворы.

– Они действительно думают, что это что-то изменит? – Лиам вдруг нарушил затянувшееся между ними молчание, когда они проезжали мимо работников городской службы, закрасивающих очередное граффити с непотребным лозунгом бастующих.

Молли пожала плечами. Серые однотипные дома сменялись один за другим. Надо было спросить ради приличия, куда они едут. Хотя бы узнать, что произошло, но она продолжала молча выпускать дым в форточку.

- Ты как? – осторожно спросил Лиам.
- Нормально.
- Точно?

Она поджала губы, удерживая ответ внутри, и кивнула. Следующие два перекрестка она собиралась с мыслями, прежде чем сказать:

- Гарри Миллер умер вчера ночью.
- Да. Я это и имел в виду, – выдохнул Лиам.
- Этот сукин сын, стрелявший в Сильвию и Тома. Он четыре дня пролежал в реанимации и вчера умер.
- Молли

– Ты правда веришь в эту чушь? – она повернулась к нему. – Что человек, который смеялся все следствие над нами, убеждал нас, что ему ничего не будет, просто взял и попытался повеситься в изоляторе за три дня до суда? После всего?

Лиам крепче сжал руки на руле.

– Дилан сказал, что

– Да нахер Дилана! – вдруг крикнула она, и сразу же закашлялась дымом. Она бросила окурок на резиновый коврик себе под ноги и раздавила подошвой ботинка. – Его расследование, то, как он смотрел на все сквозь пальцы, просто потому что ему так удобно, этот сраный отдел нахер. Полгода потратили впустую.

– Почему впустую? У нас есть оружие, отпечатки, камеры. Признание Миллера на худой конец. Что еще тебе нужно?

– Мо-тив, – произнесла она, намеренно выделяя каждый слог.

– Он гребаный торчок, Молли. Без денег, со стволом и ломкой. Если бы там не было Тома и Сильвии, он убил бы кого-нибудь другого. Так вышло.

– Зачем ему было сдаваться, Ли? Подумай сам. Мы не могли выйти на его след несколько месяцев, пока он просто не пришел в отдел. А потом мы еще пару месяцев подгоняли улики под этого бога из машины. Отрезали куски от пазлов, чтобы все сошлось. А потом он взял и повесился. Потрясающая работа.

Лиам остановился на очередном светофоре. Карта показывала, что до места назначения им оставалось ехать четыре минуты.

– Слушай, – тихо сказал он, – я понимаю, что Сильвия была тебе близка. Что ты переживаешь, не находишь себе места, как и все мы, как весь отдел. – Лиам посмотрел на сестру и грустно улыбнулся. – Но тебя не расследование бесит. Ты просто не можешь смириться, что все закончилось вот так просто. Но нельзя просто винить всех вокруг. Злиться, отдаляться от людей. Тем более от – Лиам резко замолчал.

Они прибыли на место, припарковались у желтой ленты, которой патрульные ограничили территорию, и еще пару минут сидели, не решаясь продолжить.

– Договаривай, – сказала она.

– Нужно просто двигаться дальше. И все.

– Ты не это хотел сказать.

– Отвали. Давай. Камень, ножницы, бумага.

Они сыграли трижды, пока две победы не остались за Лиамом. Они всегда играли, прежде чем выйти из служебной машины и увидеть, что произошло. Так никто не выбирал себе только легкие и очевидные убийства, где преступник стоит с окровавленным ножом в руке прямо над телом. И никто не отрекался от преступлений, раскрытие которых требовало месяцев работы целого отдела. Кто будет вести дело, решали только чистая случайность и везение.

– Твою мать, – выдохнула Молли.

– Прости. У меня и так три хвоста.

– Отлично, – она посмотрела на бродящие за лентой силуэты в белых защитных костюмах. Криминалисты осторожно передвигались по асфальту среди мусорных пакетов и смотрели под ноги, чтобы случайно не затоптать что-нибудь важное. – Я пойду, куплю себе воды. Поговори пока со всеми.

– Почему я? Ты же за старшую.

– Именно поэтому. Давай, помощничек.

Лиам вышел из машины и осмотрелся. На тесную улицу между двухэтажными домами падали, словно прожекторы, лучи утреннего солнца, подсвечивая красный кирпич, таблички с цифрами на асфальте и глянцевые черные пакеты, набитые мусором. Все напоминало небольшую сцену в камерном театре. Патрульные отгоняли зевак, отчаянно пытавшихся заснять хоть

что-нибудь из происходящего на телефон, чтобы позже выложить в интернет и набрать просмотры таких же любителей жанра «настоящее преступление».

По рации Лиаму сообщили: Зона Один, Сигнал Сорок Восемь. По-простому это значило, что нужно тащить свою задницу на запад, сегодня в программе осмотр тела. Лиам почувствовал, как начал покрываться потом. В тени было градусов восемьдесят пять, не меньше, и еще, как назло, какой-то бедолага решил умереть прямо возле мусорки. Лиам мысленно поблагодарил себя за то, что не стал завтракать и задержал дыхание. Он залез в карман брюк и вытащил из него начатую упаковку мятных конфет и смятую маску, которая лежала там еще со времен пандемии коронавируса. Детектив натянул маску на нос, и положил в рот сразу четыре конфеты, чтобы перебить запах вокруг. Стало легче, но подходить к телу все равно не хотелось до последнего.

К нему подошел один из криминалистов и кивнул, показывая руки в перчатках.

– Не могу пожать. Я сегодня что только не трогал.

– Я так и понял, – ответил Лиам. Он точно не узнал, кто именно перед ним. Все криминалисты в рабочей форме и масках напоминали одинаковых маленьких эльфов. – Что у нас тут?

– У нас тут мясная лавка. Нашли человеческую руку у баков, — эльф протянул Лиаму пару перчаток и пакет для улик, в котором лежали золотые часы. – Это патрульные отобрали у местного бездомного.

Лиам плохо разбирался в таких вещах, но даже ему показалось, что часы выглядят дорого. Он повертел пакет в руках. На задней панели была гравировка: «В благодарность Кертису Ф., 2018 г.».

– Прикинь? – спросил криминалист. – Думаешь, это его или просто однофамилец?

– О чем ты?

– Шутишь?

Детектив продолжал смотреть с искренним недоумением.

– Ну этот странный тип. Фред Кертис. Да он последнее время везде светился. В смысле лез в этот вот конфликт по мусоропереработке, – криминалист махнул рукой в сторону разбросанных пакетов. – Пытался договориться с экоактивистами, вбухивал деньги во все, что только можно: в институты, церкви, приюты. А потом вдруг пропал.

Лиам достал телефон, чтобы найти в интернете пару статей, но поиск выдал их больше сотни. Первые полосы в газетах, вечерние новости, утренние, фотографии, видео. Мужчина лет пятидесяти в строгом костюме. Вот он что-то кричит с трибуны. Вот он с плакатом «АТЛАНТА – НЕ СВАЛКА» у здания мэрии с большой толпой. С какими-то поп-звездами на благотворительном вечере. И самая свежая новость о том, что он не выходит на связь уже больше недели.

– Я так понимаю, пропажа нашла, – сказал Лиам.

– Не знаю. Судебные медики пока ничего не говорят даже предварительно. Тело сильно потрепано, непонятно, сколько оно пролежало. Да еще и в такой жаре.

– Кто вызвал копов?

– Так вон тот задержанный бродяжка и вызвал, – эльф кивнул на патрульную машину, где на заднем сиденье, опустив голову, спал мужчина. На его голове набекрень висела красная кепка с одним сохранившимся словом: «снова». – Он позвонил в полицию с автомата, сказал, что рылся на помойке и наткнулся на пакет. Открыл – а там посиневшая рука. Его задержали за попытку украсть часы с места преступления.

Голова закружилась от недостатка кислорода, и Лиам опустил маску с носа, чтобы продышаться, но легче не стало. Он натянул ее обратно и запихнул в рот еще одну конфету.

– То есть, – детектив начал рассуждать вслух, – у бездомного на руках были золотые часы, и он, вместо того чтобы сбежать, позвонил копам из *платного* автомата, и, как добропорядочный гражданин, дождался их? И еще и где тело показал?

– Вроде того, – криминалист наклонился и сказал чуть тише, – но он пьяный в жопу. Думаю, поэтому забыл положить часы на место.

– Я понял. Разберемся. Спасибо, – Лиам протянул руку, но тут же отдернул. – Точно. «Что только не трогал». Извини.

Концентрация пластиковых табличек с номерами улик увеличивалась, чем ближе детектив подходил к мусорным бакам. Мешки были сложены в несколько рядов, часть была разорвана, и их содержимое лежало на тротуаре: то ли сотрудники уже успели постараться, то ли крысы.

Лиам заметил рядом высокую тощую фигуру медэксперта, который, склонившись над пакетами, делал фотографии для протокола. Один пакет, тщательно перевязанный изолентой в несколько слоев, был небрежно разрезан. Детектив увидел распухшую и потемневшую кисть руки. То, ради чего им и пришлось закатить вечеринку с утра пораньше.

– Привет, детка. Как настроение?

Врач разогнулся в полный рост, став выше Лиам на голову, и протер запотевшие защитные очки, чтобы увидеть, кто перед ним.

– Замечательно, – ответил медэксперт, – два высших образования и двенадцать лет стажа, чтобы копаться в мусорке.

Лиам хмыкнул и спросил:

– Что скажешь?

– Это рука.

– О. Ты думаешь?

– М-м. Три раза проверил.

– Чарли.

– Ладно. Отчлененная по плечевому суставу правая верхняя конечность, – серьезно начал он. – Предположительно мужская. Часы ты видел, – Чарли указал на бледные борозды на запястье, оставшиеся от браслета. – Отрезали долго и неуверенно. Вряд ли профессионал, скорее, наш потрошитель делал это все в первый раз. Возможно, отходил, чтобы проблеваться. Прямо как ты каждый раз у меня в секционке.

– Технически, где-то по городу может шататься все остальное?

– Нет, точно нет. Кровоснабжение уже прекратилось, когда ее отрезали. И мы нашли еще пять похожих пакетов. Обмотаны такой же изолентой. Судя по размерам, в них все остальное. Пока ничего не трогали, ждали вас.

– Обожаю, когда ты на смене.

– Все так говорят.

– Вы, как всегда, сама скромность, доктор Скотт, – сзади раздался голос Молли. Она держала в руках открытую бутылку минеральной воды, и было слышно, как в наступившей тишине шуршали пузырьки. Чарли прокашлялся.

– Детектив Хюгге, – кивнул он ей неуверенно.

– Нам нужно минут десять, чтобы все посмотреть.

– Скажите, как будете готовы. Мы при вас вскроем остальное.

Чарли оставил близнецов вдвоем, и Молли отошла чуть назад, чтобы посмотреть на общую картину. Она всегда начинала с этого, чтобы точно ничего не упустить. Лиам тогда же понял, что это будет абсолютно глухое дело, которое, вероятно, не на один месяц останется помеченным на доске в общем кабинете как нераскрытое. И на миг почувствовал облегчение от того, что ответственность в этот раз будет висеть не на нем. Он поморщился своим же шкурным мыслям и вслух сказал:

– Ну, зато это поможет нам немного отвлечься. От всего.

– Да. Ты прав. Наконец, что-то интересное, – ответила она, натягивая перчатки.

– Ты меня иногда пугаешь.

– Все так говорят.

- Это что, на каждый отдельный протокол?
- На каждый.
- Seriously?
- И отдельное описание.
- Боже мой.
- Добро пожаловать в судебную медицину.

В бюро свет уже давно горел только над одним секционным столом. Дебора Леви сидела согнувшись от усталости на краю подоконника и болтала ногами. Рядом стоял Чарли, и они оба уже минут десять смотрели на разложенные на столе фрагменты найденного утром тела.

Сначала все было не так сложно. Явное убийство: синяки, борозда на шее от удушения. Жертву задушили и, в лучших традициях дешевых слэшеров, решили разделить на части и выбросить на помойку. Первая порция нецензурной брани прозвучала от Чарли, когда верхние конечности не подошли к телу по суставам. Вторая от Деборы, когда не подошли нижние конечности. Через десять часов экспертиза была окончена, все материалы направлены в лабораторию, но вопросов, кажется, только прибавилось.

– Я такого еще никогда не видела, – сказала она. В ее голосе чувствовалась смесь ужаса и любопытства. Восторг молодого ординатора, пришедшего в бюро медицинской экспертизы за приключениями, и столкнувшегося с первым действительно сложным случаем.

Дебора спрыгнула с подоконника и еще раз наклонилась над металлическим столом.

– Что теперь будем делать?

– Ждать. Отпечатки мы сняли. Утром вызовем детективов. Пусть ищут того, кто придет на опознание.

– Голова и туловище точно принадлежат Фреду Кертису.

– Еще раз услышу слово «точно» до анализа, и я не закрою тебе практику.

– Спорим? – уверенно предложила она. – Его искали с прошлой недели. Еще татуировка.

Вот, – она указала пальцем, – солнце с лицом. На его фотках в интернете есть такая, один в один.

Чарли снял очки и потер глаза, сбрасывая наступающую сонливость, и внимательнее посмотрел на синюю неаккуратную татуировку на груди. Ее края расплылись еще при жизни, улыбка на нарисованном солнце больше напоминала злую усмешку.

– Мне же не стоит тебе говорить, что это все крайне конфиденциально?

– Ты серьезно? – протянула она обиженно.

– Деби, я просто предупредил.

– А я просто оскорблена. В качестве извинений я могу принять только разрешение уйти домой сразу после уборки.

– Протоколы?

– Завтра? Я помогу, обещаю.

Чарли еще раз посмотрел на секционный стол и протяжно выдохнул носом.

– Хорошо. Давай завтра.

В раздевалке он долго сидел на скамье перед шкафчиками, смотря в одну точку. Кафельный пол охлаждал босые ноги. Нужно было собраться с мыслями и, наконец, переодеться, чтобы поехать домой. Сегодня что-либо решать уже не было ни смысла, ни сил.

Он достал из сумки телефон. На экране горели два пропущенных от отца. Чарли перезвонил, и в трубке раздался детский голос:

– Пап?

– Рой. А где дедушка? — взволнованно спросил Чарли. Зажав телефон между ухом и плечом, он сразу принялся в спешке натягивать кеды.

– Спит на диване.

– А ты почему еще не спишь? — он запихнул в свой шкафчик вещи и быстро закрыл, чтобы те не успели выпасть. — Ты знаешь, который час?

– Я тебя жду, — сонно ответил Рой.

– Прости, малыш. Я скоро буду, уже выезжаю.

– Хорошо.

Раздались короткие гудки. Чарли выругался под нос и выскочил из раздевалки в темный коридор. У выхода уже стояла Дебора в ярко-желтой куртке и ждала такси. Чарли кивнул ей, прощаясь, и уже взялся за ручку двери, но вдруг застыл.

– Подожди, — сказал он медленно, — протоколы. У тебя же завтра выходной.

– Упс, — виновато улыбнулась она. — А я и забыла.

– Ты паразитка.

– Не ворчи, — ее телефон завибрировал, сообщая, что водитель уже ждет ее на другой стороне улицы, — я правда забыла. Хочешь, я приду утром?

– Иди уже отсюда, — он придержал ей дверь, пропуская вперед. Влажный прохладный воздух ударил в нос. Пару часов назад лил дождь, и где-то далеко все еще слышались осторожные раскаты грома. Чарли шел по парковке и чувствовал, как после секционного зала, пропахшего формалином и разлагающимся телом, начал по-настоящему дышать.

– Так мне можно не приходиться?

– Можно, — смеясь, ответил он.

– Я тебя люблю! — сказала она, и перебежала дорогу к желтой машине со светящимися пашками на крыше. Она открыла скрипучую дверь и махнула рукой. — До понедельника!

Дворники бегали по лобовому стеклу, снова заморосило. Редкие огни уличных фонарей проплывали по салону машины, и Чарли каждый раз щурился. Глаза после целого дня под лампами секционного зала горели, словно в них насыпали песок. Он набрал на телефоне номер и включил громкую связь. Гудки эхом расплзались по всему салону.

– Да?

– Хюге, мы закончили с вашим Франкенштейном на сегодня.

На фоне во время вызова были слышны голоса и стук клавиатуры. Лиам тоже еще был на работе.

– Что скажешь? — спросил он.

– Даже не знаю, с чего начать.

– Ох, — сказал Лиам. Шум на другом конце провода затих. Все в отделе тоже начали прислушиваться к разговору. — Ладно. По порядку. Предварительно в пакетах Кертис?

Машина остановилась на светофоре — красный сигнал, девяносто шесть секунд. Дождь усиливался. Чарли бросил взгляд в зеркало заднего вида. Перекресток был совершенно пустым.

– Скотт?

– Не во всех.